

Прохладный ветер несет послание, а осенняя луна кажется безграничной.

Мирт в горах уже отцвел. Интересно, могила матери уже покрылась осенней травой, украсилась трауром?

Пешеходы за окном стремились пораньше вернуться домой.

Лошади и мулы, уставшие после рабочего дня, имели такой же изможденный вид, что и люди. Они медленно переставляли ноги, порой демонстрируя свой дурной нрав, но получив пару ударов кнутом снова становились покладистыми.

Окна простые, самые обычные деревянные рамы с резьбой, изготовленные третьи сыном Хо в переулке позади дома. Хо всю жизнь был плотником, но резьба у него до сих пор не получается. Неудивительно, что он до сих пор не женился.

Подоконник чистый, не захламленный, в отличие от других домов, где лежат связки огненно-красного перца и золотистой кукурузы. На нем стоял только один горшок с растением.

Сейчас осень, и не только цветы пропали, но и листва начала желтеть.

— Доктор Бай, вы снова смотрите на мирт?

Занавеска приподнялась и в дверь проскользнул юноша лет семнадцати-восемнадцати. Его черные блестящие глаза метались, выдавая беспокойный характер. Его нос был прямым, что свидетельствовало о некотором упрямстве. Едва он вошел, как сразу окликнул мужчину у окна:

— Уже осень, откуда взяться приятному аромату? Эй, я принес кое-что, что по-настоящему приятно пахнет.

Он помахал перед мужчиной предметом, который держал в руке, словно предлагая сокровище.

У молодого человека было обычное лицо, но необычные глаза, похожие на черный магнитный камень, бездонные и непостижимые, которые, если поначалу их не заметишь, могли засиять и поразить до глубины души.

Похоже, мужчине в комнате нравится черный цвет: он носит простую черную одежду, на ногах черная обувь, да и обстановка в основном черная. Черноту комнаты подчеркивает праздничное сияние горшка с миртом на подоконнике, за которым заботливо ухаживал его хозяин, и который уже начал приобретать осенние краски.

Увидев, что именно держит в руках парень, мужчина покачал головой.

— А-Тун, ты опять украл чью-то собаку?

— Хе-хе, осенью хочется подкрепиться здоровой пищей. Вы же врач, у вас должны быть какие-нибудь хорошие травы. Вы не могли бы одолжить мне для собачьего рагу? — сказал А-Тун, сдвинув брови. — Могу дать вам порцию, когда сварю. Мое собачье рагу славится по всему поселку.

— Не нужно, лучше отдай деве Хуа Хуа по соседству. Она будет счастлива, когда услышит запах твоего собачьего рагу, глядишь, даже выйдет за тебя замуж.

В спокойном голосе чувствовался намек на поддразнивание, от которого защемило сердце.

Мужчина тихонько засмеялся, а затем, словно вспомнив о серьезности врачебной практики, спрятал улыбку, которая появилась на его лице.

А-Тун почесал в затылке.

— Доктор Бай лучше всех знает мои тайные мечты. Ай, я не понимаю, почему Хуа Хуа не любит собачье мясо так же, как ее мать. — Он посмотрел на доктора Бая, который уже два года работал в поселке.

Он знал этого неразговорчивого человека уже два года и редко когда видел его смеющимся, как будто на уме всегда было что-то, что он не мог решить. В том-то и дело, что образованные люди любят грустить, и самое ужасное, что Хуа Хуа как назло нравились эти грустные настроения.

К счастью, доктор Бай, казалось, не проявлял никакого интереса к Хуа Хуа.

— Доктор Бай, позвольте вас спросить, — начал подмазываться А-Тун, положив оглушенную собаку на землю. — Можете научить меня таким же приятным словам, которые в прошлый раз прошептали во дворе?

— Приятные слова?

— Которым вы научили Хуа Хуа: "Взгляни на тонкое белье из душистого шелка, подобному легким и мягким облакам мира бессмертных. В старые времена в золотом зале никто не замечал медленных шагов..."

Он никогда не читал, но у него была хорошая память и он запоминал все слова, которые удавалось подслушать.

— Хуа Хуа выучила их и каждый день ворчала, что нужно выучить что-то еще. Доктор Бай, научите меня, чтобы я мог научить Хуа Хуа.

Бай Шаоцин рассмеялся:

— Хочешь научиться?

— Конечно.

Он поднялся и заложил руки за спину. Его взгляд вдруг обратился к цветку на подоконнике, и на мгновение он погрузился в воспоминания.

— Доктор Бай?

Он очнулся, улыбнулся сам себе, затем его улыбка померкла, а взгляд переместился за окно, и он тихо запел редким прохожим на улице:

— Взгляни на тонкое белье из душистого шелка, подобному легким и мягким облакам мира бессмертных. В былые времена в золотом зале никто не замечал медленных шагов. Как жаль, что ныне, у камина, с вином, я жду парадную одежду. Посмотри как зеленый цвет сменяется красным, цветы и листья выглядят более искусными. Нет больше двойного полета, остался одинокий феникс. Впустую скитаюсь без пристанища, ненавижу бедность. Красота, покоряющая города, к чем все эти иллюзии? Я не хочу вспоминать о шелке из прошлого, я

хочу верить, что процветание придет с рассветным ветром...

Тембр спокойный, мелодия ровная, от песни исходило легкое ощущение одиночества, которое будто вытягивало душу.

Даже А-Тун, который никогда раньше не слышал песни, молчал, вытаращив глаза и разинув рот. Только А-Тун собрался вскочить и хлопнуть, как тяжелая ткань занавеси снова поднялась, будто от порыва ветра.

— Почему вы перестали петь?

Вошла Хуа Хуа, одетая в хлопчатобумажную одежду с цветочными аппликациями. Увидев Бай Шаоцина, она обнажила зубы в улыбке и произнесла:

— Доктор Бай, вы учили меня в прошлый раз, научите еще.

Едва А-Тун увидел Хуа Хуа, как выражение бесстрашия наполовину исчезло с его лица, сменившись волнением молодого человека. Замахав рукой, он сказал:

— Ничего не выйдет, не выйдет.

Хуа Хуа смерила его злобным взглядом.

— Почему это?

А-Тун сразу же замолчал, затем глупо хихикнул:

— Посмотри, у меня кое-что есть для твоей матушки.

Оглушенная собака немного пошевелилась, тогда А-Тун схватил палку, стоявшую у двери, и хорошенько стукнул ее по голове.

Собака заскулила и снова потеряла сознание.

— Тц-тц, боюсь, что даже банда нищих не может сравниться с тобой в умении вырубать собак, — спокойно сказал Бай Шаоцин.

— Правда? — Глаза А-Туна заблестели. Он радовался больше всех, когда речь заходила о Цзянху. В Цзянху, о котором говорил рассказчик, были мечи, сокровища, бесконечное количество серебра и множество красавиц. Разумеется, красавицы ему были не нужны, он хотел только Хуа Хуа. Потирая руки от нетерпения, А-Тун сказал: — Доктор Бай, когда я заработаю достаточно серебра, то сразу отправлюсь в Шаолинский монастырь, чтобы выучиться мастерству. Тогда я с блеском вернусь и приглашу тебя поесть собачьего мяса.

Он бросил взгляд на Хуа Хуа.

— Пф, Шаолинский монастырь для монахов, — презрительно фыркнула Хуа Хуа. — Если станешь монахом, твой дед переломает тебе ноги.

— Я... Я... — Шея А-Туна залилась краской.

Он набрал в грудь воздуха и уже собирался возразить, как его прервали.

— Эй! Кто-нибудь! Здесь есть доктор? — Голос звучал как большой колокол, хороший, громкий голос.

Бай Шаоцин нахмурился. Сегодня слишком много посетителей.

Занавеска снова поднялась.

Вошедший горлопан оказался низкого роста, с ногами в форме бутылки, похожий на жирного кролика в одежде.

— Здесь есть доктор? Эй-эй, ты доктор? — он указал на Бай Шаоцина.

Увидев его потешную внешность и склонность к позерству, А-Тун пару раз кашлянул:

— Доктор здесь.

— Паренек, это ты врач? — Мужчина смерил его подозрительным взглядом.

— Конечно, — приосанился А-Тун. — У меня лично есть секретный рецепт, передающийся из поколение в поколение, специально для низкорослых. Если вы примете траву доктора Туна, то станете выше на три дюйма.

Хуа Хуа фыркнула и разразилась смехом.

— Отлично, негодяй, да ты смеешься надо мной!

Глаза мужчины округлились, и он отпрыгнул назад, с лязгом выхватив короткий меч из-за пояса.

Меч сиял неожиданно холодным синим светом.

Мужчина был низенького роста и меч, которым он пользовался, был до нелепого коротким, спрятанным на поясе, поэтому А-Тун его не заметил. И теперь, увидев блеск меча, все опешили.

Хуа Хуа издала крик ужаса и сделала шаг назад, испуганно глядя на меч в его руке.

— Мальчишка, ты посмел смеяться надо мной. Сейчас же подойди и поклонись три раза, и я отрублю тебе только одну руку.

А-Тун изумленно уставился на меч в его руке и недоверчиво пробормотал:

— Даже этот сурок из Цзянху, значит и я смогу туда попасть.

При этом он прищелкнул языком и кивнул.

Мужчина был в ярости, его лицо покраснело от лба до шеи, будто он стал жареным кроликом, и он с ревом бросился на А-Туна с поднятым мечом.

Бай Шаоцин знал, что А-Тун высказался необдуманно, но не принял это близко к сердцу, решив, что неплохо было бы преподать мальчику урок.

Мужчина молниеносно повернул свой меч и ударил А-Туна, но тут раздался звон и острый меч

вдруг переломился надвое в воздухе, и упал на землю.

Мужчина был неожиданно атакован и резко остановился, будто его ткнули в акупунктурную точку. Гнев испарился с его лица, а вместо него появилось смутное беспокойство.

Кто мог сломать меч в воздухе без единого звука?

Лицо Бай Шаоцина стало серьезным.

В Цзянху не так много людей, владеющих подобными боевыми искусствами. Неужели это он? Последние два года он скрывался в поселке Шибали, не снимая маски из человеческой кожи, не обращая внимания на посторонние дела, и все же он нашел его?

Испытывая шок, он вдруг услышал нежный голос.

— Сюй Фу, я же говорил тебе найти врача, а ты опять наделал хлопот, — донесся голос из-за двери. Хотя его тональность не слишком высока, каждое слово звучало отчетливо. Всего лишь в короткой фразе чувствовалось грозное величие, которое нельзя было воспринимать легкомысленно.

И хотя тон голоса был суровым, он не был знакомым.

Бай Шаоцин подивился в душе: внутренняя сила этого человека настолько мощная, что сравнима с силой Фэн Луна.

Хуа Хуа и А-Тун подумали: "Так этого громкого мужчину зовут Сюй Фу. Интересно, а кто тот человек снаружи, который может сделать этого горластого таким послушным?"

Оставшаяся половина меча в руке Сюй Фу с лязгом упала на землю, он склонил голову и задрожал.

— Этот ничтожный человек заслуживает смерти.

Человек снаружи тихо хмыкнул:

— Хватит, займись уже делом.

— Да-да

Будто получив помилование, Сюй Фу развернулся к А-Туну и быстро сказал:

— Если ты утверждаешь, что ты врач, следуй за мной. Идем-идем, нужна твоя помощь.

Потянув А-Туна наружу, он вышел за дверь.

Пока они разговаривали, Бай Шаоцин тихо смотрел в окно. За воротами двора стояли несколько великолепных карет. Все лошади, тянувшие их, были хорошей породы, каждая из них была великолепным скакуном. Рядом стояло больше двадцати сопровождающих, вытянув руки по швам. Их одежда хорошо пошита, но уже покрылась пылью. Очевидно они целый день провели в дороге, а сейчас остановились передохнуть. И все же они стояли строго и почтительно, со всей ответственностью подходя к своей работе, явно следуя строгим правилам семьи.

Посередине стояла самая роскошная карета с синим пологом, которой управлял старик с опущенной головой, лицом, повидавшим жизнь, и кнутом наперевес. Время от времени он поднимал голову, и в его глазах загорался таинственный свет.

Бай Шаоцин задался вопросом: как могла такая группа появиться в захолустной деревне? Боевое искусство и совершенствование этого старика не слабые, но он добровольно управляет каретой. Интересно, что за человек сидит внутри? Мне с большим трудом удалось найти стабильность, не хотелось бы попадать в неприятности.

— Эй-эй, погоди, не тяни, — вопил А-Тун, сопротивляясь из последних сил. Он не обучался боевым искусствам, поэтому не мог вырваться из хватки Сюй Фу, и вскоре его выволокли за дверь.

Бай Шаоцин повернулся и подошел, чтобы остановить его.

— Отпусти его, брат. Ты ошибся, я врач, А-Тун подшутил над тобой.

— Твою мать, я уже сыт по горло твоими штуками, — выругался Сюй Фу, отпустил А-Туна и посмотрел на Бай Шаоцина. Похоже он беспокоился за людей снаружи. — Если ты доктор, тогда следуй за мной.

Бай Шаоцин спросил:

— Кто болен и каковы симптомы болезни?

Сюй Фу закричал:

— Тьфу, кто сказал о болезни? Это щенок нашей старшей госпожи заболел, и теперь даже не может лаять. Так что сходите осмотрите его.

— Собака? — А -Тун странно вскрикнул и расхохотался, скорчив рожу Хуа Хуа.

Девушка с упреком посмотрела на А-Туна и робко произнесла:

— Дядя Сюй, доктор Бай лечит людей, вам следует найти старика Чжана, чтобы осмотреть щенка, он живет на краю поселка и помогает скоту и мулам. Вы нашли не того доктора!

Сюй Фу топнул ногой и сказал:

— Я нашел, но тот дохлый старик заявил, что не лечит собак, поэтому я...

— Тогда я тем более не умею лечить собак, — равнодушно произнес Бай Шаоцин. — Тебе лучше найти того, кто умеет. Если я назначу неправильное лекарство, собака может умереть.

— Не умрет, не умрет. Это сердце и душа нашей госпожи, — Сюй Фу затопал ногами и, вцепившись в рукав Бай Шаоцина, потащил его наружу. — В любом случае, ты должен ее вылечить, даже если не можешь или не хочешь. А если убьешь, тогда я искромсаю тебя ножом.

Бай Шаоцин уже практиковал четвертый уровень техники пересечения неба, поэтому мог избавиться от горлопана по щелчку пальцев. Но он уже давно жил в уединении и не хотел привлекать к себе внимание, поэтому лишь слабо улыбнулся и последовал за ним со двора.

А-Тун многозначительно подмигнул Хуа Хуа, и они вдвоем находчиво последовали за ним, скрываясь за столбами.

Сюй Фу подтащил Бай Шаоцина к той самой роскошной карете посередине и уважительно сказал:

— Молодой господин Сыма, этот человек — единственный доктор в Шибали. Я пригласил его осмотреть собаку госпожи, хорошо?

Фигура в карете кажется очень внушительной, и голос Сюй Фу затих, едва он дошел до кареты.

Это потрясло Бай Шаоцина: в Улинь не так много людей с фамилией Сыма. Неужели это клан Сыма из леса Доцин?

— Да, — еле слышно донеслось из кареты.

Сюй Фу сразу же развернулся и потащил Бай Шаоцина к другой карете.

Остановившись перед каретой с желтыми занавесками, он сказал:

— Хозяин, этот врач пришел осмотреть собаку старшей госпожи.

Его голос снова невольно усилился.

Этот Сюй Фу больше благоговел перед молодым господином Сыма, чем перед своим хозяином.

Из кареты донесся низкий мужской голос:

— Хорошо, отведи его к старшей госпоже. Если ее можно вылечить, я заплачу любые деньги. Ах, я прошу только, чтобы она перестала плакать, у меня уже голова болит.

"Голос этого мужчины низкий и определенно благородный, — подумал Бай Шаоцин. — Но в то же время он звучал печально. Интересно, что его беспокоит и какие у него отношения с семьей Сыма."

— Есть, — ответил Сюй Фу и потянул Бай Шаоцина к другой карете.

Бай Шаоцин мог только горько улыбнуться, не ожидая, что его будут таскать туда-сюда только ради собаки. Если бы люди в Цзянху узнали, что он и есть прославленный Бянь Фу, интересно, сколько из них упали бы со смеху?

При переводе песни Бай Шаоцина пострадал один переводчик □ За ее достоверность не ручаюсь, они довольно многозначны, но можно понять, что он сетует о своей судьбе. К слову, это песня из реально существующей пьесы "Дворец вечной жизни", но ее перевода на русский язык не существует, и китаиста я у себя в подвале не держу, так что приходится мучиться.